

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

О ДИСКУРСИВНЫХ РЕЖИМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Баранов А. Н. (baranov_anatoly@hotmail.com)

Институт русского языка РАН, НИУ Высшая
школа экономики, Москва, Россия

Ключевые слова: языковая оценка, дескрипция, дискурсивный ре-
жим, лингвистическая экспертиза

ABOUT DISCURSIVE MODES OF EVALUATION IN RUSSIAN

Baranov A. N. (baranov_anatoly@hotmail.com)

Institute of Russian Language (Vinogradov's Institute), National
Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia

The paper discusses different modes of evaluation in Russian. Evaluation is considered as a speech act based on a cognitive procedure which has the following form: (i) evaluation of an object X as possessing a feature q consists of comparing of parameter Q with X and picking out of q as a function of Q with an argument of X ; (ii) the feature q presupposes recommendations for decision making in connection with an object X . Cognitive procedure of description of an object X as possessing of a feature q doesn't presupposes any recommendation for decision making.

In some discursive modes semantics of evaluation lose its influence force or at least it getting weaker. Discursive mode is defined as a sphere of functioning of speech forms in discourse, in which their meaning regularly changed. Different discourses allow different kinds of discursive modes. In the paper

are discussed the following discursive modes, which modify evaluation force: irony, language game, common nomination, indefinite reference.

Key words: language evaluation, description, discursive mode, forensic linguistics

1. Оценка и оценочное суждение

В лингвистике оценка исследовалась в первую очередь в лексической семантике и стилистике. В первом случае обращалось внимание на существование слов, в семантике которых присутствует оценочный компонент (*хороший — плохой; пресловутый, добряк, негодяй*), а также на оценочные коннотации лексем (ср. лексему *свинья* с коннотацией ‘грубый’ или лексему *ветер* с коннотацией ‘переменчивости’ — Апресян 1995). Во втором — оценочность рассматривалась как свойство выразительности речи в целом, как особенность стиля, присущая данному типу дискурса или являющаяся индивидуальной характеристикой говорящего (Телия 1991; Шмелев 1964). Отмечалось, что оценочная семантика свойственна языковым единицам различных уровней (Вольф 1985: 5–7). Лингвистические классификации языковой оценки так или иначе, с теми или иными девиациями повторяли известные философские и логические классификации, разделявшие оценку на общую и частную (Арутюнова 1984). Соответственно, слова *хороший, плохой* выражают общую оценку, а прилагательные *красивый, безобразный, комфортабельный, неудобный, умный, глупый, гениальный, тупой, богатый, бедный* — частную. Лингвистическая теория не дает, однако, ясного ответа на вопрос об оценках, передаваемых в тексте косвенно — без использования оценочной лексики. Кроме того, некоторые феномены оценки, существенные для приложений лингвистики, не имеют очевидных коррелятов в лингвистической семантике.

В лингвистической экспертизе широко используется категория «оценочного суждения», представленная в законодательстве как неопределяемый термин. Эту категорию можно определить как вид утверждения, в пропозиции которого устанавливается связь между объектом оценивания и значением параметра общей оценки (‘хорошо — плохо’) или значением параметра той или иной частной оценки. Оценочные суждения субъективны и в силу этого их нельзя проверить на соответствие действительности. Например, утверждение *Роман — взяточник* может быть истинным или ложным, а оценочное суждение *Ольга красива* — нет, поскольку красота человека является оценочной субъективной категорией.

Некоторые частные оценки в разных типах дискурсов, обусловленных как исторически, так и социально, могут менять свое соотношение с общими оценками. Так, оценочное прилагательное *богатый* в революционном дискурсе советской эпохи соотносилось с оценкой ‘плохо’, а *бедный* — с оценкой ‘хорошо’. В дореволюционный период, а также в дискурсе современной российской политики *богатый*, наоборот, ‘хорошо’, а *бедный* — ‘плохо’. Такова специфика

использования оценочных слов в идеологизированных дискурсах. В этом отношении оценочные суждения близки и к категории мнения.

Следует отметить, что среди частных есть оценки, близкие к дескрипциям (утверждениям о свойствах и признаках). Так, утверждения с параметрическими прилагательными *высокий* и *низкий*, *широкий* и *узкий*, *длинный* и *короткий* во многих ситуациях допускают истинностную интерпретацию. Это связано с тем, что параметрические прилагательные содержат в своей семантике значительный дескриптивный компонент. Соответственно, фразы типа *Шкаф слишком высок*, *Потолок в комнате низкий*, *Коридоры в здании узкие и длинные* существенно ближе по своим свойствам к утверждениям. Кроме того, прилагательные указанного типа нельзя легко соотнести с общей оценкой. Высокий шкаф хорош для одних ситуаций и плох для других. Тем самым, утверждения, апеллирующие к оценкам с существенной дескриптивной частью семантики, не могут рассматриваться как оценочные суждения в точном смысле слова.

Оценка, однако, может выражаться не только в оценочных суждениях, но и в оценочной составляющей слов, входящих в обычные не оценочные утверждения и другие типы речевых актов. Так, Е. М. Вольф отмечает, что не всякое высказывание с семантикой оценки может рассматриваться как речевой акт оценки (Вольф 1985). Кроме того, оценка (как положительная, так и отрицательная) может находиться в разных частях семантики слова и высказывания.

2. Семантика оценки и ее когнитивные корреляты

В лингвистической теории не сформировалась сколь-нибудь цельная теория оценки. Может быть, из-за этого когнитивный аспект оценивания фактически был исключен из рассмотрения. Между тем, оценка прямо связана с процессом принятия решений. В ряде работ по семантике и прагматике оценки было показано, что процедура оценивания является частью процесса принятия решений (Хэар 1985; Баранов 1989). Оценивание (точнее результат оценивания) позволяет выбрать ту альтернативу решения проблемной ситуации, которая в большей степени удовлетворяет желаниям и намерениям человека, делающего тот или иной выбор. С когнитивной и семантической точки зрения оценка несет в себе следы прескрипции: оценка чего-то как хорошего как бы рекомендует использовать это хорошее, а оценка чего-то как плохого, соответственно, влечет рекомендацию отказаться от плохого.

Языковые следы ментальной процедуры оценивания обнаруживаются в первую очередь в области иллокутивной семантики и в сфере лексического значения. В первом случае следует говорить о речевом акте оценки, а во втором — о соотношении оценочных и дескриптивных смыслов в плане содержания слова (проблематика, типичная для лингвистического подхода). Компоненты содержания оценки как особого типа речевого акта определяются структурой соответствующей ментальной процедуры. Говорящий, оценивая некоторый объект X как q (как обладающий характеристикой q), делает следующее: определив некоторый признак Q [основание оценки] и, сопоставив

Q с X [объект оценки], выбирает значение признака Q , равное q , и приписывает q X , полагая, что выбор q для X может влечь некоторое практическое следствие [аналог акта принятия решения]. Признак Q в случае общей оценки соответствует оценочной шкале «Хорошо — Плохо».

В существующих классификациях речевых актов оценка не представлена особой категорией. Наиболее близкими к акту оценки можно считать экспрессивы по классификации Дж. Серля, сущность которых состоит в том, чтобы «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительного положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» (Серль 1986: 183). Можно предположить, что к экспрессивам относятся выражения одобрения и неодобрения, комплименты, похвала и многие другие, выражающие субъективную оценку.

В теоретической модели оценивания, предложенной в (Баранов 1989), смысл 'характеристика' (q) выступает как инвариант дескрипции и оценки. Варьирование оценочных и дескриптивных свойств характеристики q определяется эксплицитностью основания оценки (Q), с которым связана характеристика q , и практического следствия — аналога принятия решения (Y). Предположительная связь q с Y отражает представления говорящего об участии оценки в акте принятия решения, то есть о «рекомендательной» силе оценивания. Чем менее определен признак Q , его шкала, выбор q и основания этого выбора (то есть чем менее рестриктивна характеристика), тем меньше ясности с принятием решения Y , тем меньше собственно оценочных свойств у характеристики q . Тем самым, истинная оценка отличается от истинной дескрипции прежде всего (i) **каузальностью** (то есть наличием обоснования характеристики q — установлением признака Q и сопоставлением его с X), (ii) **рестриктивным выбором** (выбор значения признака Q из упорядоченного множества других значений на основании его сопоставления с X) и (iii) **ориентацией на акт принятия решения**.

Указанные характеристики акта оценки позволяют объяснить некоторые специфические особенности сочетаемости слов оценочной семантики, предсказывая их собственно оценочные и дескриптивные употребления. Так, вопрос с вопросительным словом *почему* более уместен по отношению к оценке, чем к дескрипции. Действительно, оценка должна быть внутренне обоснована, аргументирована, ср. — *Вы уже работали раньше? — Да, недолго. — Это плохо. — Почему? — Потому что недолго*, дескрипция же в точном смысле спонтанна и часто неконтролируема, ср. — *Комната была совсем пуста, лишь в середине стоял круглый дубовый стол. — ?Почему круглый?* Отсюда легкость мотивировки оценки и затруднительность мотивировки истинной дескрипции, ср. *Он неосторожен/вероломен, потому что ...* и *?Снег бел, потому что ...* Мотивировка дескрипций возможна, однако для этого приходится привлекать законы онтологии, закономерности устройства реального мира, ср. *Снег бел, потому что так устроен мир, Этот стол круглый, потому что его так сделали* и т. п.

Оценочные слова и выражения не функционируют в речи автономно, а входят в контексты, подавляющие или, наоборот, усиливающие оценочную семантику этих речевых форм. Такие контексты можно условно назвать

дискурсивными режимами, поскольку они формируются последовательностями речевых актов. **Дискурсивный режим** — это такой способ использования речевых высказываний, который предполагает регулярную модификацию значений речевых форм, входящих в соответствующий фрагмент, по сравнению с некоторым стандартом. Так, дискурсивный режим иронии предполагает понимание речевых форм, противоположное буквальному значению. Сфера идеологизированного употребления языка предполагает ориентацию на систему ценностей, объединяющую носителей соответствующей идеологии, что опять-таки влечет регулярное изменение оценочной семантики таких слов и выражений, как *революция, диктатура пролетариата, социальный оптимизм, рабочий, обыватель* и пр.

Заданные теоретические рамки оценки как речевого акта и процедуры оценивания позволяют указать некоторые типы дискурсивных режимов, в которых оценка может как ослабляться, так и усиливаться.

Выявление оценочных характеристик особенно существенно для лингвистической экспертизы, поскольку это необходимо при проведении экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также по делам об оскорблении и экстремизму. Ограничимся далее по большей части отрицательной оценкой, поскольку она в наибольшей степени существенна для лингвистической экспертизы текста.

3. Дискурсивный режим иронии

Как известно, ирония — это в самом общем смысле «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки» (Ахманова 1969). В ряде случаев иронический контекст модифицирует оценочную составляющую высказывания. В одном из блогов была сделана следующая запись:

Я призываю всех к массовым беспорядкам на Лубянке 15го! / хоть бы / хоть бы / хоть бы / ну погреться же надо будет!!! / PS а в итоге потом меня обвинит СК в призыве))) ГЫ ГЫ ГЫ. (14 дек в 9:08)

Слово *беспорядки* имеет в лексическом значении оценочную составляющую¹:

БЕСПОРЯДОК <...> **1.1. зд. мн.** Массовое проявление протеста, к-рое сопровождается нарушением общественного порядка, уличными столкновениями и т. п. (БУСРЯ)

В приведенном толковании компонент 'нарушение общественного порядка, уличные столкновения' в явном виде указывает на отрицательную оценку. В контексте блога — особенно с учетом современной «охранительной» внутренней политики — слово *беспорядки* носит отчетливый негативный

¹ Здесь и далее словарная информация дается в сокращении.

характер². Ср. характерный пример из Паустовского, приводимый в МАСе: *В Таганроге были беспорядки, толпа голодных женщин с детьми разгромила пекарни и продовольственные магазины, и казаки отказались стрелять по толпе.* Разгром пекарен и продовольственных магазинов нельзя рассматривать как что-то положительное.

В блоговой коммуникации фраза *Я призываю всех к массовым беспорядкам* не вполне естественна по следующим причинам. Во-первых, она содержит цитацию юридической терминологии. Действительно, юридический термин «призыв к массовым беспорядкам» относится к письменной речи (Ср. фразы, не вполне корректные в обыденной коммуникации: *я призываю возбудить вражду к группе лиц, выделяемой по религиозному признаку; я призываю похитить чужое имущество*).

Во-вторых, призыв к действиям, которые сам говорящий оценивает, скорее, отрицательно, прагматически аномален из-за феномена «иллокутивного самоубийства» по З. Вендлеру (Вендлер 1985). Ср. призывы, некорректные по той же причине: *Я призываю к ограблению магазина!; Я призываю к обману покупателей!* при норме *Я призываю к борьбе за светлое будущее человечества!*

В-третьих, в рассматриваемой фразе цитация юридической терминологии указывает на то, что автор обращает внимание на возможные юридические санкции, которые могут для него последовать после данного акта речевого поведения («метатекстовое» употребление). На метатекстовый характер примера указывает и последующий комментарий блогера: *PS а в итоге потом меня обвинит СК в призыве))) ГЫ ГЫ ГЫ*.

В-четвертых, в исследуемой записи представлена такая мотивация «призыва к массовым беспорядкам» (*хоть бы/хоть бы/хоть бы/ну погреться же надо будет!!!*), которую нельзя рассматривать как серьезное обоснование такой деятельности.

Выявленные характеристики обсуждаемой фразы — использование юридической терминологии в блоговой коммуникации, призыв к действиям, которые сам автор оценивает, скорее, отрицательно, метатекстовый характер употребления, несерьезность обоснования призыва к беспорядкам — все это указывает на то, что в рассматриваемой записи в блоге реализуется семантика самоиронии. Ирония существенно снижает силу негативной оценки, указывая на «несерьезность», нарочитый характер речевого поведения.

4. Дискурсивный режим языковой игры

Как известно, игра снимает многие социальные табу. В литературе неоднократно отмечалось, что во время карнавала снимаются многие культурные и религиозные запреты, поскольку по своему содержанию и функции игра противопоставлена реальности и выводит за рамки этических оценок многие формы обычно табуированного поведения (ср. по этому поводу исследование карнавала как феномена культуры в работах М. М. Бахтина — Бахтин 1965).

² Совсем недавно, слово *беспорядки* выражало положительную оценку: «народные волнения, являвшиеся выражением протеста против власти эксплуататоров» [МАС].

Контекст языковой игры ослабляет, а в некоторых случаях и вовсе нивелирует оценочную составляющую многих языковых форм. Так, оценочные словосочетания *дерьмократы*, *либерасты*, *толерасты* передают негативную оценку в существенно более ослабленной форме, чем соответствующие полные неигровые предикации: *Демократы — дерьмо*, *Либералы — пидорасы*, *Толерантные люди — пидорасы*.

Следует отметить, что игровой режим далеко не всегда снижает негативную оценку. Так, рифмирование, использование аллитераций часто никак не затрагивает оценочность контекста, а в некоторых случаях даже ее усиливает. Например, в листовке правозащитного толка, направленной против мигрантов, во фразе *поймаешь мразь — по морде — хрясь*, сопровождающей соответствующий рисунок, слово с очевидной негативной оценкой *мразь* не меняет своих характеристик в сторону снижения отрицательной оценки объекта оценивания. При этом рифмирование *мразь — хрясь*, будучи чисто игровым приемом, в данном случае, скорее, усиливает негативную оценку, чем преуменьшает. Это связано с тем, что слово *хрясь*, указывая на интенсивность физического воздействия (удара) и даже некую удовлетворенность от произведенного действия, передает общую положительную оценку автором листовки (а также ее демонстратором) ситуации избивания неугодного лица. Негативная оценка избиваемого в слове *мразь* поддерживается и усиливается общей положительной оценкой физического воздействия на неугодных, типичной для речевых практик правозащитного дискурса. Ослабление оценочности в игровых контекстах экстремистского дискурса нельзя рассматривать как универсальное правило.

5. Дискурсивный режим общепринятой номинации

В названиях довольно часто присутствует оценочная лексика, однако в общепринятой номинации (в ее внутренней форме) оценочные смыслы ослабляются или теряют свою силу. Оценочная составляющая стандартных номинаций проявляется только как фактор скрытого (имплицитного) воздействия. Например, в официальной номинации «Государственный университет высшая школа экономики» почти все слова — за исключением слова *экономика* — имеют положительные коннотации прагматического характера: прилагательное *государственный* в рассматриваемом контексте связывается с идеей стабильности и основательности (ср. *мой ребенок поступил в государственный вуз, а не в частный*), слово *университет* — с всеобъемлющим знанием и универсальностью обучения, что также воспринимается как что-то положительное; словосочетание *высшая школа* указывает на максимально возможную степень образования и обучения. Понятно, что данное название сконструировано совершенно целенаправленно: как прием имплицитного наведения положительной оценки. Интересно, что языковая практика пошла по неожиданному пути, выбрав лишь одно слово — *Вышка*, — коннотации которого не бесспорно положительные (ср. жаргонизм *вышка* как обозначение «вышей меры наказания» — расстрела).

То же верно и в отношении негативных оценок: негативные оценки в составе стандартной номинации часто нивелируются. Так, в (Успенский 2000: 31) разбирается пример использования стандартной номинации *собака Калин [царь]* («постоянного эпитета») в русском фольклоре. Понятно, что в такой номинации фиксируется идеологическая (и политическая) позиция говорящего:

Говорил собака Калин царь да то таковы слова:

— *Ай же старья казак да Илья Муромец! <...>*

— *Не служи-тко ты князю Владимиру.*

— *Да служи-тко ты собаке Царю Калину.*

В последнем случае самому царю Калину приписывается номинация, которая очевидно не могла звучать из его уст. Воздействующий эффект в передаче негативной оценки в таких случаях при постоянном воспроизводстве существенно уменьшается. Это связано с тем, что цель использования такой идеологической номинации состоит в самоотжествлении говорящего с определенной референтной группой, использующей эту номинацию, а не в том, чтобы выразить негативную оценку.

6. Дискурсивный режим неопределенной и определенной референции

Денотативный статус имени (именной группы) как усиливает, так и снижает негативную оценку, которая к нему относится. Отнесенность негативной оценки к конкретной сущности, обозначенной определенной именной группой, усиливает негативную оценку. Так, фраза *Петров — идиот* передает сильный вариант негативной оценки. В то же время отнесенность оценки к неопределенному множеству лиц негативную оценку существенно снижает: *Это сделали какие-то идиоты*. Невозможность ясной атрибуции негативной оценки снижает ее конфликтность, а конкретная референция существенно повышает. Именно поэтому, в практике судебных дел по защите чести и достоинства (ст. 152 ГК РФ) фразы типа *Гаишники берут взятки, В министерстве все уже проворовались, Руководство компании погрязло в скандалах и склоках* при условии отсутствия политической составляющей не имеют серьезной судебной перспективы. Действительно, конкретные лица не указаны, негативная оценка относится либо к неопределенной именной группе (*гаишники*), либо к именованным группам, обозначающим множества людей (*министерство, руководство компании*). Тем самым, конкретные лица опять-таки не названы.

Совершенно иная ситуация с контекстами, в которых референция имени определена:

Начальник второго управления ГИБДД П. Колпаков известный взяточник; Замминистра Егоров был уличен в воровстве бюджетных средств; Скандал был инициирован, как всегда, заместителем Председателя наблюдательного совета компании Давидовичем.

Снижают негативную оценку и слабоопределенные именные группы (референт известен говорящему, но неизвестен слушающему). Так, фраза *Некоторые компании действовали не вполне законно и сумели получить подряды без тендера* существенно менее конфликтна, чем *Компании Парк-трест и Велосити действовали не вполне законно и сумели получить подряды без тендера*. Разумеется, конфликтность и степень негативности оценки не одно и то же, однако в общем случае снижение конфликтности контекста влечет и уменьшение «негативности» оценки.

Дискурсивные режимы, будучи важной характеристикой общения на естественном языке, представляют собой интегральные феномены, сформированные кластерами более универсальных свойств коммуникации, которые воспроизводятся вместе в соответствии с правилами построения, формирования и функционирования того или иного дискурса. К ним следует отнести многие важные оппозиции, уже обсуждавшиеся в рамках теории коммуникативной организации высказывания и текста, в сфере прагматики и логической традиции: «истинное — ложное», «реальность — фиктивность», «настоящее — кажущееся», «неопределенность — определенность», «фон — фигура», «контраст — отсутствие контраста» и др. Так, для дискурсивного режима общепринятой номинации релевантными оказываются две последних оппозиции, поскольку такие номинации являются фоновыми и они в общем случае не становятся фокусом контраста. Для дискурсивного режима иронии существенной оказывается первая оппозиция, поскольку ирония предполагает, что говорящий имеет в виду ровно противоположное. Дискурсивный режим языковой игры позволяет противопоставить реальное, настоящее и фиктивное, кажущееся. Неопределенная референция связана с категорией неопределенности и часто реализуется как фон в отсутствии контраста.

Указанные оппозиции могут использоваться как диагностические для выявления дискурсивного режима: так, фокусирование актанта ситуации или, наоборот, перемещение его в фоновый компонент сообщения может свидетельствовать о смене дискурсивного режима. Противоречия в авторской оценке типичны для иронии. Именно в этом направлении можно видеть возможный алгоритм выявления дискурсивного режима для программ автоматической обработки текста. Введение модуля выявления дискурсивного режима в перспективе могло бы существенно уточнить результаты автоматического мониторинга тональности дискурса, основанного на словарной информации.

Рассмотренные дискурсивные режимы не исчерпывают весь список таких феноменов. Так, на статус дискурсивного режима могут претендовать цитация, различные формы реферирования содержания текста, метатекстовые употребления, сфера идеологизированного функционирования речевых форм. Влияние дискурсивного режима испытывает не только оценка, но и многие другие семантические категории — как речевые акты, так и различные способы «упаковки» многомерного смысла высказывания и текста.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Коннотация как часть прагматики слова // *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М., 1995.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
3. *Баранов А. Н.* Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // *Вопросы языкознания*, 1989, № 3.
4. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
5. *БУСРЯ* — Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 2016.
6. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // *Новое в зарубежной лингвистике*: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.
7. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985. [Переиздание: *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. 2 изд., испр. и доп. М., 2002.]
8. *Шмелев Д. Н.* Слово и образ. М., 1964.
9. *МАС* — Словарь русского языка в 4-х тт. / под ред. Евгеньевой А. П. М., 1985–1988 [«Малый академический словарь»]
10. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.
11. *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // *Языковые механизмы экспрессивности*. М., 1991.
12. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. Санкт-Петербург, 2000.
13. *Хэар Р. М.* Дескрипция и оценка // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М., 1985.

References

1. *Akhmanova O. S.* (1969), Dictionary of linguistic terms [Slovar' lingvisticheskikh terminov], Moscow.
2. *Apresan Ju. D.* (1995), Connotation as a part of word pragmatics [Konnotacija kak chast' pragmatiki slova], Integrative description of language and system lexicography [Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikograjja], Moscow.
3. *Bakhtin M. M.* (1965), Works of François Rabelais and folk culture of middle ages and the Renaissance [Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekovja i renesansa], Moscow.
4. *Baranov A. N.* (1989), Evaluation strategies in language (proverbs and lexicon) [Aksiologicheskie strategii v strukture jazyka (paremiologija i leksika)], Problems of linguistics [Voprosy jazykoznanija], № 3, pp. 74–90.
5. *BUSRJA* — Large universal dictionary of Russian ed. by V. V. Morkovkin [Bol'shoj universal'nyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka pod red. V. V. Morkovkina] (2016), Moscow.

6. *Hare R. M.* (1985), Description and evaluation [Deskripcija i ocenka], New in foreign linguistics [Novoe v zarubezhnoj lingvistike], Vol. XVI. Moscow, pp. 183–195.
7. *MAS* — Dictionary of Russian Language in 4 volumes [Slovar' russkogo jazyka v 4-kh tomakh] (1985–1988), Russian Language, Moscow.
8. *Searle J.* (1986), A classification of illocutionary acts [Klassifikacija illokutivnykh aktov], New in foreign linguistics [Novoe v zarubezhnoj lingvistike], Vol. XVII, Moscow, 1986, pp. 170–194.
9. *Shmelev D. N.* (1964), Word and image [Slovo i obraz], Moscow.
10. *Teliya V. N.* (1991), Expressivity as a reflection of subjective factor in language and its pragmatic orientation [Ekspressivnost' kak proyavleniye subjektivnogo faktora v jazyke], Language mechanisms of expressivity [Jazykovyje mekhanizmy ekspressivnosti], Moscow.
11. *Uspenskij B. A.* (2000), Poetics of composition [Poetika kompozicii], Saint-Petersburg.
12. *Vendler Z.* (1985), Illocutionary suicide [Illokutivnoe samoubujstvo], New in foreign linguistics [Novoe v zarubezhnoj lingvistike], Vol. 16, Moscow, Progress.
13. *Volf E. M.* (1985), Functional semantics of evaluation [Funkcional'naja semantika ocenki], Moscow.